

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н. М. Карамзин

4

А. А. БОГДАНОВ О
ПЛЕХАНОВЕ И
ЛЕНИНЕ

ВАРШАВСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1944 ГОДА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ФАЛЬШИВЫЕ
ДЕНЬГИ В
РОССИИ

ИЗ «ОСОБОЙ
ПАПКИ»
ПОЛИТБЮРО:
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ЗАРУБЕЖНЫЕ
КОЛЛЕКЦИИ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Arquivo Historico

1994

23a
3521

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 4
1994 год

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Редакционный
совет:

Пихоя Р. Г.
(председатель)

Чернобаев А. А.
(зам. председателя)

Ананьич Б. В.

Биллингтон Дж. (США)

Болховитинов Н. Н.

Волкогонов Д. А.

Волобуев О. В.

Каленберг Ф. (Германия)

Козлов В. П.

Коротков А. В.

Кривова Н. А.

Кросс Э. (Англия)

Мироненко С. В.

Палм Ч. (США)

Покровский Н. Н.

Сахаров А. Н.

Степанский А. Д.

Чубарьян А. О.

Шмидт С. О.

Шукман Г. (Англия)

Учредители:

Государственная
архивная служба РФ,
Трудовой коллектив
журнала
«Исторический архив»

АИА ©

(Архивно-
Информационное
Агентство)

Россия, 119817,
Москва, Г-435,
ул. Большая
Пироговская 17,
корп. 1, комн. 1.
Тел.: 245-83-08
факс: 200-42-05

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- А. А. Богданов о Г. В. Плеханове и В. И. Ленине.** Из рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма» (Публикацию подготовили Н. С. Антонова, Г. А. Бордюгов, Н. В. Дроздова, А. Ю. Морозова) 4
- «Наша линия такая...».** Документы о встрече И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Январь — февраль 1947 г. (Б. Бонвеч (ФРГ), Г. А. Бордюгов, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая) 22

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- Варшавское восстание 1944 года глазами оккупантов.** Доклад губернатора Варшавского округа Л. Фишера рейхсминистру Г. Франку. (А. И. Кокурин, М. И. Семиряга) 45

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

- «Мнение без прикрас».** Письмо члена КирВРК Т. И. Седельникова В. И. Ленину. 1920 г. (Д. А. Аманжолова) 67
- Родник платоновского языка.** Письма из деревни в «Крестьянскую газету». 1926—1928 гг. (В. В. Кабанов, Е. В. Хандурина) 82

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

- «Русская православная церковь стала на правильный путь».** Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943—1946 гг. (Окончание) (М. И. Одинцов) 90

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- Фальшивые бумажные деньги в России.** Следственное дело о подделке ассигнаций. 1775 г. (А. И. Юхт) 113

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ

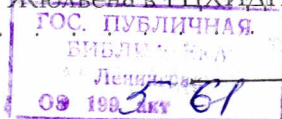
- Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации».** Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б). 1930—1932 гг. (Г. М. Адиебеков) 145

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- Письма Н. М. Карамзина к А. Д. Засядко.** 1824—1825 гг. (Р. Б. Казаков) 181
- Из воспоминаний генерала А. Н. Куропаткина.** 1867—1882 гг. (И. В. Карпеев) 185
- «Государь действует твердо и неуклонно».** Очерк графа С. Д. Шереметева об императоре Александре III (Л. И. Шохин) 196

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В РОССИИ

- «Цель общества — всеобщее счастье».** Из коллекции документов М.-А. Жюльена в РГХИДНИ. 1793—1800 гг. (С. М. Назарова) 207

А. А. БОГДАНОВ

О Г. В. ПЛЕХАНОВЕ И В. И. ЛЕНИНЕ

Из рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма»

Александр Александрович Богданов (1873—1928) на рубеже XIX—XX вв. относился к числу ведущих философов и ученых-мыслителей России и одновременно, благодаря политической деятельности в социал-демократической партии, фракции большевиков, был одной из самых заметных интеллектуальных фигур в русском рабочем движении. Однако на протяжении десятилетий на этом имени лежала печать забвения. Только с середины 1980-х гг. вместе с изменением политической ситуации появилась возможность для новой оценки Богданова. Переиздание главных его работ позволило убедиться в исключительно широком спектре его интересов¹. И все же многое из биографии научного наследия Богданова остается, как показывают новые открытия в архивах, неизвестным.

Рукопись, фрагменты которой публикуются ниже, была передана в июле 1938 г. из НКВД СССР в Центральный партийный архив и сейчас хранится в фонде А. А. Богданова (ф. 259) РЦХИДНИ. Полностью она будет представлена читателям в готовящемся издании «Неизвестный Богданов»².

«Десятилетие отлучения от марксизма» Богданова охватывает период с 1904 по 1914 гг. Но не на внешних фактах своей биографии сосредоточен автор, а на своем понимании философской и политической борьбы в российской социал-демократии. Это не опыт философской или политической автобиографии, не история РСДРП и не воспоминания, поскольку все писалось по горячим следам. В то же время это и не совсем публицистика, не памфлет, потому что десять лет — достаточно большой срок, чтобы осмыслить и оценить прошедшее. Книга Богданова, по его собственным словам, «ответ «за всех и за вся», т. е. по всей линии»³.

«Десятилетие отлучения...» написано в 1914 г. Позади был сорокалетний рубеж, годы ссылки, тюрем и эмиграции, философских споров и политической борьбы, увлеченности коллективной работой по претворению в жизнь великой идеи и разочарования в друзьях. Были написаны «Основные элементы исторического взгляда на природу», «Познание с исторической точки зрения», «Эмпириомонизм», романы-утопии «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», первая часть «Тектология», а «Краткий курс экономической науки» выдержал несколько изданий. «Отлученный» от большевизма, Богданов подводил итоги целого периода своей жизни. Причем намеревался это сделать, как он писал в письме членам женевского идейного кружка «Вперед», «в популярной и полемической, но не обычной форме»⁴.

По своему построению книга напоминает разбор дела еретика, который производится им самим. «То, от чего отлучают», «Преступления отлученного», «Поток отлученных», «Соотлученные», «Отлучатели» — таковы названия глав. Однако Богданов отнюдь не оправдывается, ибо нельзя доказать ортодоксам правоту еретика,

¹ См.: Богданов А. А. Тектология. В 2-х книгах. М., 1989; Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.

² Неизвестный Богданов. В 3-х книгах. Под ред. Г. А. Бордюгова. Кн. 1: Статьи, доклады, письма и воспоминания А. А. Богданова (Малиновского). Составители — Н. С. Антонова, Н. В. Дроздова. Предисловие Г. Горцки (ФРГ); Кн. 2: А. А. Богданов и группа «Вперед». Составители — Н. С. Антонова, Н. В. Дроздова. Предисловие Дж. Бигарта (Великобритания). Кн. 3 Десятилетие отлучения от марксизма. Предисловие Д. Стейла (Италия).

³ РЦХИДНИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.

⁴ Там же.

который потому и отлучаем, что отстаивает свое право на собственное видение мира, на развитие идей, на создание новой науки, не освященной высокими авторитетами прошлого. Полемизируя со своими отлучателями, автор не только старается опровергнуть их аргументы в старом споре, но и выступает против самого способа ведения ими полемики, против их способа мышления.

Свою книгу Богданов предполагал издать легально осенью 1914 г. Поэтому литературные псевдонимы, хорошо известные автору, не раскрывались. И вообще лишних имен он не называет, часто давая лишь описательное обозначение того или иного человека. Но осведомленный читатель, знакомый с положением дел внутри «марксистского целого», как именовалась в легальной печати РСДРП, легко мог понять, о каких событиях и лицах идет речь.

Начавшаяся первая мировая война и призыв Богданова в армию нарушили его издательские планы. После Октября 1917 г. книга не могла выйти уже по другим причинам. Это станет понятно из содержания публикуемого раздела рукописи. Пропуски в тексте отмечены отточиями в квадратных скобках.

Публикацию подготовили Н. С. АНТОНОВА, кандидат исторических наук Г. А. БОРДЮГОВ, кандидат исторических наук Н. В. ДРОЗДОВА, А. Ю. МОРОЗОВА.

ОТЛУЧАТЕЛИ

1. Г. В. Плеханов

Эту моду завел сам же Плеханов, переняли все отлучатели: в полемике первым делом обвинять противника в невежестве, — что он этого не знает, того-то не изучал, еще того-то не читал.

Лично мне эта мода не нравится. В ней есть расчет на обычную веру среднего читателя в какую-то особенную, недоступную простым смертным, мудрость цеховых ученых-специалистов, на его страх перед нею: «вот, я — настоящий ученый, знаю, что и где написано; а он — ха-ха! — не знает, он невежда; очевидно, ты должен верить мне, а не ему!». Вера, страх — чувства рабские; не нам их поддерживать. Более того: мы должны бороться против цехового аристократизма ученых; и не только потому, что он закрепляет их связь с господствующими классами, а также и потому, что он неразрывно связан с цеховой ограниченностью кругозора и самодовольством, вредными для развития самой науки[...]. Истинный ученый не швыряется необдуманными обвинениями в невежестве, не преувеличивает и не афиширует своей учености. Он, прежде всего, исследователь; его свойства — строгость и объективность. У Плеханова сколько угодно строгости, но не научной, а генеральской. Объективности же у него нет. Ни по своим познаниям, ни по своему психическому типу он — не образец ученого[...].

Плеханова считают философом и даже главою целой философской школы. В наше время философ есть разновидность ученого специалиста, в чем сказалось огромное *понижение* типа «философ». Но все же и теперь к нему предъявляется в гораздо большей мере, чем к другим специалистам, одно особое требование: неуклонной *последовательности* мышления. Он должен быть выдержанно-логичен в своем анализе и построениях, *не противоречить себе*. Без этого свойства он если и философ, то по меньшей мере плохой.

Что, с этой точки зрения, представляет Плеханов?

В социальной философии он заявляет себя ортодоксальнейшим сторонником марксовского исторического материализма. Чаше, чем кто-либо, повторяет он классическую формулу: «общественным бытием определяется сознание, а не сознанием бытие»¹. Но повторять легко, *проводить на деле* труднее. Трудно указать писателя, который, признавая марксовскую формулу, чаще противоречил бы ей.

Мы видели тому один яркий пример. Перед нами определенное «сознание» — анимистическое; каким «общественным бытием» оно обусловлено? Сновидениями! — отвечает Плеханов, принимая теорию Гэйлора². Нечего сказать, солидное «общественное бытие», и «материализм» завидной твердости.

Не менее характерна собственная теория Плеханова о развитии идеологий, которую он дополнил учение Маркса. Ее можно было бы назвать «теорией полемических крайностей». Вот как сам он излагает ее сущность:

«Возьмите любой вопрос, напр[имер], вопрос о деньгах. Для меркантилистов деньги были богатством *par excellence* (по преимуществу): они приписывали деньгам преувеличенное, почти исключительное значение. Люди, восставшие против меркантилистов, вступив в «противоречие» с ними, не только исправили их исключительность, но и сами, по крайней мере, наиболее рьяные из них, впали в исключительность, и именно в прямо противоположную крайность: деньги — это просто условные знаки, сами по себе они не имеют ровно никакой стоимости. Так смотрел на деньги, напр[имер], Юм³... И затем, указывая, что действительность, якобы, не давала объективных оснований для такого взгляда — деньги своей стоимости фактически не теряли, — Плеханов делает вывод: «Откуда же произошла исключительность взгляда Юма? Она произошла из факта борьбы, из «противоречия» с меркантилистами. Он хотел «сделать обратное» меркантилистам»⁴.

Аналогичным образом английские аристократы XVII века увлекались материализмом, потому что хотели «сделать обратное» религиозной, пуританской буржуазии, утопические социалисты во Франции первой половины XIX века, напротив, впали в религиозность из полемикального чувства к материалистам-просветителям XVIII века.

Посмотрите, что при этом стало с «общественным бытием». Английские аристократы поддерживают материализм, учение как нельзя более вредное для *классовых интересов* аристократии, класса, господство которого поддерживается суеверием и невежеством народных масс. Полемическое «сознание» не церемонится с экономическим «бытием», а преспокойно идет против него.

В действительности этого, конечно, не было; а просто Плеханов ошибался насчет природы английской «аристократии» того времени. Это были *обуржуазившиеся* землевладельцы, торговцы шерстью, а не представители феодально-аристократических традиций, как указал еще Энгельс, сам полуангличанин, знавший английскую историю, разумеется, лучше Плеханова⁵. А настоящие остатки феодальной аристократии были и тогда ярыми католиками, «папистами», как их называли.

Полемические настроения, несомненно, бывают и отдельных литераторов доводят иногда до больших крайностей, но объяснять ими массовое развитие идеологий нельзя. Все плехановские примеры такого рода легче и проще объясняются обыкновенным марксовским методом — на основе реальных экономических отношений.

Так, ошибка Юма была отражением нового тогда экономического факта — быстрого развития капиталистического кредита и, в частности, *бумажного денежного обращения*. Бумажные деньги, на самом деле, не имеют внутренней ценности, а являются только символом товарных стоимостей, но обращаются они наравне с действительными, металлическими деньгами; и для индивидуального хозяйства разницы между теми и другими нет. А Юм стоял на точке зрения индивидуального буржуазного хозяйства. Ему естественно было смешать настоящие деньги с бумажными и признать, что реальной ценности нет ни в тех, ни в других.

Материализм французских просветителей и религиозность последующих утопистов объясняются также всего лучше не их полемикой, а прямо их классовой психологией. Просветители были идеологами растущей буржуазии, носительницы промышленного прогресса, для которой была естественна материалистическая, т. е. в те времена единственно научная идеология. Наоборот, социалисты-утописты были представителями мелкобуржуазного типа (пролетарское мышление было еще только в зародыше), а гибнущая от промышленного прогресса мелкая буржуазия религиозна хотя бы потому, что ей нужно прибежище от жестокой действительности; да и вообще авторитарная, т. е. религиозная, психология у нее долго сохраняется благодаря самому строю отдельного мелкобуржуазного хозяйства: оно имеет форму «семьи», организованной авторитарно, под властью отца⁶.

[...] Искать у Плеханова последовательности, выдержанности философских принципов — занятие бесплодное. Он по природе своей *вовсе не философ*.

Он никогда им и не был. Судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризировать социально-философские и общеполитические идеи Маркса и Энгельса. Выполнил он это не без ошибок; но дело было полезное и необходимое; да и судить об этих ошибках тогда было некому. Затем, по привычке вчерашних рабов, наши россияне стали обращаться к Плеханову за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в том числе философских. Так он попал в положение, которое в конце концов оказалось довольно фальшивым [...].

Философская деятельность Плеханова-отлучателя самым тесным образом переплелась с его политической деятельностью. В частности, отлучение г. Богданова явилось первоначально одним из эпизодов борьбы Плеханова против ставшего ему ненавистным «большевизма»⁷.

Ставшего ненавистным... Тут я должен на один год выйти за пределы моего десятилетия. В 1903 году Плеханов был ярим, свирепым, непримиримым большевиком. Но только до осени того года.

В том году впервые кристаллизовались оба наших течения⁸. Вначале их разногласия представлялись как чисто «организационные». Меньшевики тянули «вширь», большевики — «вглубь»; первые стояли за терпимость к небольшим уклонениям в оппортунизм, вторые — за строгость; первые за «мягкость», вторые за «твердость». Впрочем, друг против друга те и другие стояли вполне твердо, и «мягкие» в этом даже обладали несомненным превосходством.

В организационной жизни те и другие были детски-неопытны, о чем свидетельствуют созданные ими тогда формы единения.

Были учреждены два равноправных руководящих учреждения, практическое и литературное⁹, у которых, однако, по тогдашним условиям, поле деятельности оказывалось почти целиком общее. Такой способ организации можно смело рекомендовать в тех случаях, когда желательно достигнуть серьезного и прочного, хорошо оформленного раскола. Конкурируя между собою, два центра, рано или поздно, неизбежно начнут подбирать и собирать вокруг себя расходящиеся элементы; при этом и разногласия сами собою будут расти, вплоть до разрыва. Двоцентрие — это готовая форма для отливки раскола.

Вот, читатель, живой пример того, зачем нужна организационная наука, или «тектология»¹⁰. Если бы хоть азбука ее существовала в то время, никому и в голову не пришло бы предлагать или защищать столь нелепую комбинацию, которая принесла затем массу вреда. Но тогда только несколько *практиков*, из меньшевиков, вы-

сказались против нее; а все теоретики и большинство практиков¹¹ обоих оттенков стояли за нее.

И для них, однако, было ясно, что между двумя «центрами» возможны несогласия в том или ином вопросе. Как быть тогда? Учредили нечто вроде постоянного третейского суда, который, впрочем, назвали «советом». Туда входили по два представителя обеих сторон, и некто «пятый». Очевидно, этот «пятый» и был решающим арбитром, судебным монархом двоецентрированной системы.

Кто же воссел на троне, уготованном для «пятого»?

Первым и последним «Пятым» явился Г. В. Плеханов.

Этот эпизод, забытый теперь, как и многое другое, сыграл роковую роль в эволюции Плеханова-политика, определив собою и методы, и даже, как увидите, направление дальнейшей его деятельности во «внутренней» политике.

Сначала оба «центра», практический и литературный, попали в руки одного течения — большевиков. При этих условиях могло долго не получиться серьезных несогласий и конфликтов между «центрами», и «Пятому», казалось, нечего было делать. Но неожиданно для всех литературное руководящее учреждение, «редакция»¹², перешло в руки меньшевиков. Кто им передал его? Никто иной, как «Пятый».

Как это случилось? Вся «редакция» тогда свелась к двум членам, Плеханову и Ленину. Первый, после жестоких боев с меньшевиками, пришел однажды к выводу, что они, в сущности, правы, и что «мягкость» — вещь хорошая. Решив так, он немедленно, выражаясь тогдашним языком, «выжил» или «вышиб» твердого Ленина из редакции: это было наиболее обычное проявление как твердости, так и мягкости.

То был момент высшего величия, достигнутого Плехановым. Он был, как единственный редактор, одним из двух руководящих учреждений, и он же обладал третейской властью «Пятого». По любому вопросу ему достаточно было возбудить конфликт с другим учреждением, чтобы перенести дело в «свет», законно решить его в свою пользу. Получилась не судебная только, а — *просто монархия*...

Но «Пятый» был мудр. Он понял, что в таком положении от великого до смешного остается лишь один шаг, да и тот, в сущности, уже сделан. И Плеханов ограничился единоличным выпуском только одного номера газеты (в те времена двухнедельной), а затем передал излишек власти меньшевикам: в «редакцию» вошли Мартов¹³, Аксельрод¹⁴, Старовер¹⁵ и Засулич¹⁶.

Оба «центра» оказались в руках разных течений, и постоянные столкновения между ними были обеспечены. Открывалась перспектива широкой практики для «Пятого». Но вместе с тем дело ускоренно пошло к расколу. Конфликты обострялись, открывалась эра отлучений.

Большевики, видя, как «Пятый» по своему усмотрению перестроил всю махинацию, начали добиваться нового обсуждения и решения вопроса: известная «борьба за съезд»¹⁷. Меньшевики, получившие формальное господство, были против, боясь потерять завоеванное. Всех больше был против Плеханов, от которого, ввиду разногласия двух центров, по уставу зависело решение. Он уверял, что достаточно двум течениям встретиться лицом к лицу на съезде — и раскол неизбежен.

Когда пришли события 1905 года, большевики не выдержали и, пренебрегши величием «Пятого» стали устраивать новый съезд. Меньшевики, несмотря на всю свою «мягкость», тоже было поколебались и собрались идти на съезд¹⁸, так важно было столкнуться и выяснить недоразумения, которые тогда еще и формулировать вполне ясно не удавалось. Но «Пятый» был непреклонен¹⁹. Он настолько боялся раскола, который должен был произойти, по его мнению, от встречи двух

сторон на съезде, что предпочел сам объявить раскол, лишь бы не допустить этой встречи.

Все свое влияние он употребил на то, чтобы не пустить приехавших меньшевиков к большевикам. Он нашел поддержку: получилось два съезда вместо одного, и раскол оформился²⁰.

Плеханов предлагал даже меньшевикам просто, от имени всемогущего «совета», объявить большевиков «исключенными». Но ему почтительно объяснили, что так далеко власть «Пятого» и «совета» все же не простираются; и ничего, кроме смеха, это решение не вызовет.

Повела бы прямая встреча большевиков с меньшевиками к расколу или нет, этого теперь, конечно, решить нельзя; верно одно, — что судебная монархия «Пятого» была бы, во всяком случае, уничтожена. Но Плеханову с тех пор принадлежит непререкаемая заслуга: он первый ввел к нам ту гениальную логику, которая позволяет устраивать раскол во имя единства.

С тех пор воспоминание о роли «Пятого», который решает дело там, где две стороны обретаются в драке, не покидало Плеханова, и стало руководящим мотивом его политики до нынешних дней. Оно мешало ему мириться с дисциплиной вновь создававшихся объединений и заставляло постоянно искать случаев занять позиции того «третьего», который, по латинской пословице, извлекает выгоду из ссоры двух других.

Кстати, эта латинская пословица (*duobus militantibus tertius gaudet*) опять резко расходится с русской народной мудростью, которая гласит: «две собаки дерутся, третья на приставай». Может быть, в различии национальных характеров, римского и российского, лежит также причина неудач, которыми в конце концов увенчивалась каждый раз хитрая тактика Плеханова.

Вот наиболее крупные и характерные эпизоды.

Осенью 1906 года шла избирательная кампания во 2-ю Гос[ударственную] Думу. Большевики разошлись с меньшевиками по вопросу о том, допустимы ли избирательные соглашения с кадетами на первой ступени выборов, т. е. общие с ними списки кандидатов в выборщики. Руководящие учреждения были меньшевистские и стояли за такие блоки, но при условии, чтобы избирательная агитация шла под лозунгом всеобщего избирательного права, а с либералами, не признававшими этого лозунга — тогдашними «партией демократических реформ» и «мирнообновленцами»²¹, — блоки не допускались. Плеханов не был удовлетворен этим решением: оно было, на его взгляд, недостаточно умеренным. Через беспартийно-прогрессистскую газету «Товарищ»²² он обратился с призывом к блокам в более широком масштабе. Он писал, что надо объединяться со всеми, с кем в ближайшее время идти по дороге, хотя бы общий путь был и не длинный, т. е. не только с кадетами, но и с правыми либералами. Для этого он предложил от себя избирательную платформу, которая, полагал он, всех должна удовлетворить и объединить: лозунг «полновластной Думы», без упоминания о всеобщем избирательном праве, которое может правых либералов оттолкнуть²³.

Я помню, в каком смущении ходили тогда меньшевики. Не очень сами они склонны к дисциплине; но такого игнорирования своих же руководящих учреждений и своей печати они не ожидали. Объявили даже нечто вроде почтительного порицания Плеханову. А кадеты с насмешливой улыбкой отклонили платформу Плеханова. Они заявили, что готовность его, разумеется, ценят, но союзы заключают только с реальными политическими силами. Получилось положение унижительное, к несчастью, не для одного Плеханова.

Осенью 1907 года, во время избирательной кампании в 3-ю Думу, руководящие учреждения были уже не меньшевистские; и блоки с кадетами не были допущены²⁴. Тогда Плеханов, через ту же буржу-

азную газету «Товарищ», обратился к меньшевикам с предложением внести «поправку действием» в ошибочные общие решения,— говоря проще, их нарушать и блоки с кадетами заключать²⁵. И опять-таки даже самые крайние меньшевики признавали, что такого полного презрения к общей дисциплине оправдать нельзя.

Около того же времени зародилось «ликвидаторство»²⁶. Его началом была идея «рабочего съезда», который предполагался открытым и легальным, и из которого должна была выйти, также открытая и легальная, «широкая рабочая партия». В 1907 году, на общих совещаниях, защитником этой идеи выступил и Плеханов²⁷.

За последние годы он в споре с ликвидаторами отлучает их, как изменников, и, естественно, хочет отклонить от себя заслугу активного участия в зарождении ликвидаторства. Теперь он уверяет, что защищал рабочий съезд в каком-то совершенно ином, неликвидаторском смысле. Но эти утверждения разбиваются о тот непреложный факт, что в 1907 году он при сотнях свидетелей отстаивал «рабочий съезд» *вместе и наряду* с нынешними ликвидаторами, нисколько от них не отгораживаясь, не делая никаких заявлений о несогласии с ними. Если он *думал* иначе, чем они, то *не сказал* этого; его мысли остались при нем, а его *действия* помогли кристаллизироваться ликвидаторству.

В 1908—1909 годах, когда Ильин с друзьями организовал раскол большевистского течения²⁸, Плеханов устраивал аналогичный раскол меньшевизма. Разница, однако, была та, что Ильин, имея у себя большинство, *устранил* левых большевиков, тогда как Плеханов, находясь во главе малочисленного меньшинства, сам ушел от меньшевиков. Когда оба раскола были произведены, — и оба во имя единства, разумеется, — то объединение, на самом деле, совершилось: это было в январе 1910 года²⁹. Но оно вышло далеко не то, какое, по-видимому, предполагал Плеханов: Ильин и его сторонники идейно объединились прямо с главной частью меньшевиков, сторонниками Мартова, Дана³⁰; Старовера, — а не с плехановцами; Плеханову же предложили *примкнуть* к этому объединению. Плеханов остался недоволен и, став в стороне, подверг объединение жестокой критике, между прочим, за его неопределенность, расплывчатость³¹. Как я упоминал, оно развалилось месяца через два. После этого началось новое сближение Плеханова с Ильиным, в общей войне против вчерашних друзей Ильина, меньшевиков неплехановцев.

Наконец, недавно наступил момент, когда Плеханову показалось, что он может осуществить свою заветную мечту о «пятом». Думская фракция осенью 1913 г[ода] распалась на меньшевистскую семерку и большевистскую шестерку. В семерке участвовал плехановец Бурьянов³². По совету Плеханова, он неожиданно вышел из семерки, но, конечно, не присоединился и к другой стороне, а встал между двумя шестерками, как независимый и, предполагалось, решающий элемент. Так некогда стоял Плеханов между двумя равноправными и несогласными центрами.

Результаты получились, как всегда, печальные. Меньшевиком поступок Бурьянова озлобил еще более. Удар кинжала в спину друзьям редко порождает в них примирительное настроение. Большевики-рабочие сказали Бурьянову: «сделал шаг — делай другой!»; и насмешливо спрашивали его, долго ли он будет качаться, подобно маятнику, между двумя фракциями, приводя тем рабочий класс в недоумение. Бурьянов, и через него Плеханов, оказался не «пятым», а 13-м. Затем неожиданное дезертирство Малиновского³³ вновь расстроило, мнимое и без того, численное равенство сторон.

Теперь плехановская газета «Единство»³⁴ призывает расколовшиеся течения объединяться по способу Бурьянова—Плеханова, т. е. уходом от обеих существующих фракций. Это план утопический и

вредный, основанный на полном незнании законов организации. Утопический он потому, что объединялись те и другие в существующие реальные единства не без причин, и изменять своим без крайности не станут; самое большее, удастся создать третью фракцию, обреченную на «качание подобно маятнику» и на слабость, идейную и практическую. Вредный план потому, что требует разрыва наличных связей, растраты уже накопленной энергии. Не таков путь действительных объединений...

Но мечты о «пятом» и политику маятника этот план отражает превосходно [...].

Роль личности в истории ограничена и редко поддается учету. Но перед нами случай, в котором трудно ошибиться. Картина слишком ярка и определена. За все это десятилетие вряд ли можно указать человека, который, пользуясь огромным авторитетом, больше содействовал бы порче нравов в идейной и политической жизни нашего юного, неустойчивого коллектива.

Читатель спросит меня: «А где же другой Плеханов, тот, который был крестным отцом и одним из первых акушеров этого коллектива? Где тот Плеханов, который в трудное время его зарождения принес для него с Запада необходимое идейное питание? Где тот Плеханов, который энергично и стойко защищал его детство от окружающих со всех сторон идейных врагов? Где тот Плеханов, который отдал ему лучшие годы и лучшие силы своей жизни?» С полным убеждением я даю нерадостный ответ:

В прошлом.

2. В. Ильин

Фигура менее сложная, хотя по-своему не менее крупная, чем Плеханов.

Его мировоззрение... Сам Ильин считает себя последовательным и выдержанным, архиортодоксальным марксистом. Но это иллюзия. В действительности, его взгляды смутны и «эклектичны», полны смешением разнородного.

Мы уже видели, какая путаница получилась у него в общеполитической работе по основным вопросам. Из всех устаревших идей плехановской школы он с наибольшей энергией уцепился за наиболее безнадежную, наиболее отжившую — «абсолютную истину»; но и тут не мог свести своих мыслей, по крайней мере, к единству. Допустим, что это — результат его неопытности в чуждой ему сфере. Но социальная философия, область близкая всякому марксисту? Как применяет Ильин принципы и методы исторического материализма?

Пока ему приходится исследовать конкретные частные явления, напр[имер], классовый состав и характер какой-нибудь партии, он справляется с задачей, и иногда блестящим образом. Но когда вопрос ставится в *общетеоретическом* масштабе, — напр[имер], происхождение религии, происхождение социализма, — результаты совсем иные.

Вот образец его рассуждений по одному из этих вопросов:

«...существа [же] вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной, забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя»³⁵.

Идеи, которые в свое время выполняли колоссальную организационную роль в жизни человечества, которые и теперь сохраняют свое влияние на массы у всех отсталых и у некоторых передовых народов, сводить эти идеи к больной фантазии и к выдумке жрецов, разве это не детская теория? Что общего она имеет с историческим материализмом?

Примечания

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13. С. 7: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

⁴ Тэйлор (Тайлор) (Tylor) Эдуард Бернетт (1832—1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры, создатель эволюционной школы в истории культуры и в этнографии.

³ Юм (Hume) Дейвид (1711—1776) — английский философ, историк, экономист и публицист.

⁴ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Изд. 3-е, с приложениями. СПб., 1906. С. 193—194 (См. также: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956. Т. 1. С. 661).

⁵ См.: Богданов А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 30—31. Там приведены выдержки из предисловия к английскому изданию брошюры «Развитие научного социализма» Энгельса, напечатанного по-немецки в «Neue Zeit». Штутгарт, 1892—1893. Т. 1. № 2.

⁶ См.: Богданов А. Приключения одной философской школы. С. 29, 30; объяснение взято оттуда частью сокращенно, частью дословно.

⁷ Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «Выбранные места из переписки с друзьями (Письмо в редакцию «Пролетария»)», опубликованная в № 2 «Дневника социал-демократа» в августе 1905 г. В ней делается намек на то, что махизм стал философией большевизма (См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 273—304; «Дневник социал-демократа». № 2. 1905. Август. С. 10—11).

⁸ Речь идет о событиях, происходивших на II съезде РСДРП (1903 г.) и вскоре после съезда, когда Г. В. Плеханов повернул от большевизма к меньшевизму.

⁹ Речь идет об организационном строении руководящих учреждений РСДРП, предусмотренном уставом, принятым II съездом партии. Центральный Комитет партии, объединяющий и направляющий всю ее практическую деятельность, и редакция Центрального Органа партии, осуществляющая идейное руководство ею, назначались верховным органом партии — съездом и становились, таким образом, двумя равнозначными центрами. Для согласования и объединения деятельности ЦК и редакции ЦО создавался Совет партии — ее высшее учреждение. Его члены — по два от каждого органа — назначались редакцией ЦО и ЦК, пятого члена Совета назначал съезд.

¹⁰ «Тектология (Всеобщая организационная наука)» создавалась А. А. Богдановым на протяжении многих лет.

¹¹ По-видимому, под «практиками» имеются в виду выступавшие на II съезде РСДРП в прениях по проекту устава партии В. П. Акимов (Махновец), В. Д. Гольдблат (Медем), Н. Н. Костров (Жордания), М. И. Либер (Гольдман), В. Н. Попов (Розанов), А. С. Царев (Локерман).

Под «теоретиками» А. А. Богданов подразумевает членов программной комиссии «Искры», ее редакторов — Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, Ю. О. Мартова, П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова, В. И. Засулич.

¹² Речь идет об издании «Искры», первой общерусской политической нелегальной газеты.

¹³ Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923) — социал-демократ, один из лидеров меньшевизма.

¹⁴ Аксельрод П. Б. (1850—1928) — в 1870-х годах народник, с 1883 г. принимал участие в создании группы «Освобождение труда». С 1900 г. член редакции «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма.

¹⁵ Потресов (Старовер) А. Н. (1869—1934) — социал-демократ, один из лидеров меньшевизма.

¹⁶ Засулич В. И. (1849—1919) — видная участница народнического, а затем социал-демократического движения в России.

¹⁷ Речь идет о борьбе с меньшевиками, которую повели большевики, вытесненные из всех центральных учреждений партии после поворота Г. В. Плеханова от большевизма к меньшевизму. На созданном в Женеве в августе 1904 г. совещании 22-х большевиков было принято написанное В. И. Лениным обращение «К партии» (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 13—21). Оно стало программой борьбы за созыв съезда партии.

¹⁸ Имеется в виду соглашение между Бюро комитетов большинства и Центральным Комитетом РСДРП, работавшим в России. Основы соглашения были изложены в воззвании «К партии» от имени ЦК и БКБ от 12(25) марта 1905 г., напечатанном в № 13 газеты «Вперед» от 5 апреля (23 марта) 1905 г.

¹⁹ В постановлении Совета партии, принятом тремя членами во главе с Г. В. Плехановым 27 апреля 1905 г. в Женеве и опубликованном в № 35 «Искры», было предложено делегатам, начавшим приезжать в Лондон на III съезд партии, под угрозой исключения из партии отказаться от участия в съезде, а сам съезд отложить на четыре месяца.

²⁰ Одновременно с III съездом РСДРП, созданным большевиками в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г. (с решающим голосом присутствовали делегаты от 21 комитета), в Женеве проходила конференция меньшевиков. На ней присутствовали делегаты от 9 комитетов. Г. В. Плеханов принял участие в Женев-

ской конференции меньшевиков, ответил отказом на приглашение большевиков принять участие в III съезде РСДРП.

²¹ Партия демократических реформ — либеральная партия, образованная в январе 1906 г. Ее лидерами являлись М. М. Ковалевский, М. М. Стасюлевич, И. И. Иванюков и др. Органы партии — газета «Страна» и журнал «Вестник Европы». В I Государственной думе партия имела четырех депутатов, во II — одного. В конце 1907 г. волилась в Партию мирного обновления.

Партия мирного обновления («мирнообновленцы») — либеральная партия, занимавшая промежуточное положение между октябристами и кадетами. Создана в июле 1905 г. бывшими левыми октябристами (П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович и др.) и бывшими правыми кадетами (Н. Н. Львов, Е. Н. Трубецкой и др.) на основе фракции «мирного обновления» в I Государственной думе в количестве 26 человек.

²² «Товарищ» — ежедневная газета. Выходила в Петербурге с 15(28) марта 1906 г. по 30 декабря 1907 г. С осени 1906 г. в ней регулярно печатался Г. В. Плеханов.

²³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 15. С. 333. Газета «Товарищ», 1906, 24 ноября.

²⁴ Это решение было принято на III конференции РСДРП (Второй общероссийской), которая состоялась в Котке (Финляндия) 21—23 июля (3—5 августа) 1907 г.

²⁵ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 15. С. 346—348. Газета «Товарищ», 1907, 12 сентября.

²⁶ Ликвидаторство — правое крыло меньшевизма в РСДРП, возникшее в 1907 г. и выступавшее за создание легальной рабочей партии. Сторонники этого течения издавали журнал «Наша заря».

²⁷ Очевидно, имеются в виду выступления Г. В. Плеханова на V (Лондонском) съезде РСДРП, состоявшемся в апреле — мае 1907 г.

²⁸ Имеется в виду заседание расширенной редакции «Пролетария» — Большевистского центра, состоявшееся в Париже, в центре внимания которого стоял вопрос о разногласиях с отзовистами-ультиматистами.

²⁹ На пленуме ЦК РСДРП, известном под именем «Объединительного» и проходившем в Париже 2—23 января (15 января—5 февраля) 1910 г., было принято постановление, осуждающее ликвидаторство и отзовизм, признано необходимым созвать общепартийную конференцию.

³⁰ Дан (Гурвич) Ф. И. (1871—1947) — социал-демократ, один из лидеров меньшевизма.

³¹ См. статью Г. В. Плеханова «Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета» в № 2 «Дневника социал-демократа» (См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 106).

³² Бурьянов А. Ф. (1880—?) — социал-демократ, меньшевик. Депутат IV Государственной думы от Таврической губернии, входил в социал-демократическую фракцию Думы. В 1914 г. отошел от ликвидаторов и примкнул к меньшевикам-партийцам.

³³ Малиновский Р. В. (1876—1918) — социал-демократ, тайный агент охранного отделения (с 1910 г.). На Пражской конференции был избран членом ЦК РСДРП. В 1912 г. был избран депутатом IV Государственной думы, входил в думскую фракцию большевиков. В 1914 г. сложил депутатские полномочия и скрылся за границу, был исключен из партии по обвинению в дезертирстве. В 1918 г. приехал в РСФСР, добровольно отдался в руки суда, был судим и расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.

³⁴ «Единство» — легальная газета группы правых меньшевиков-оборонцев, издававшаяся Г. В. Плехановым в Петербурге (май — июнь 1914, март — ноябрь 1917).

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 193.

³⁶ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», вышедшая в 1902 г. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6).

³⁷ Бёркли (Berkeley) Джордж (1685—1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма.

³⁸ Мах (Mach) Эрнст (1838—1916) — австрийский физик и философ, один из основателей эмпириокритицизма, махизма.

³⁹ Имеется в виду революция 1848—1849 гг. в Германии.

⁴⁰ Шаппер (Chapper) Карл (1812—1870) — один из руководителей сектантской фракции ультралевых в Союзе коммунистов в 1850 г.; в 1865 г. — член Генерального совета I Интернационала.

⁴¹ Виллих (Willich) Август (1810—1878) — глава сектантской фракции в Союзе коммунистов. Прусский офицер в отставке. В Гражданской войне в США (1861—1865 гг.) бригадный генерал северян.

⁴² Столыпин П. А. (1862—1911) — государственный деятель: министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906 г. Организатор третьеиюньского государственного переворота 1907 г., руководитель аграрной реформы, делавший ставку на «крепкого хозяина». Убит в 1911 г. эсером Д. Г. Богровым.

⁴³ Выборы в III Государственную думу проходили по новому избирательному закону, опубликованному 3 июня 1907 г. Отсутствие в Думе однофракционного большинства означало, что судьба голосования зависела от октябристов, ставших партией «Центра». Если они голосовали с правыми, то создавалось право-октябристское большинство (примерно 300 чел.), если с «прогрессистами» и кадетами — октябристско-кадетское (более 250 чел.).